

НѢЧТО О ГРИГОРІѢ САВИЧѢ СКОВОРОДѢ.

Глубокоуважаемый Василій Сергѣевичъ Арсеневъ, почтившій наше изданіе сообщеніемъ этой статьи, пишетъ намъ: „Посылаю вамъ рукопись у меня сохраненную о Малороссійскомъ философѣ Григоріѣ Саввичѣ Сковородѣ, очень замѣчательную и нигдѣ, сколько мнѣ извѣстно, доселѣ не изданную; эта восторженная біографія, писанная друзьями Сковороды или Звѣрякою, или Ковалевскимъ, не помѣщена въ Харьковскомъ юбилейномъ изданіи. Личность *Россійскаго самостоятельнаго философа* является тутъ ярко. Мы знаемъ, что онъ пользовался уваженіемъ императрицы Екатерины и что она пожелала видѣть его, во время своего путешествія въ Крымъ“.

Приносимъ нашу благодарность маститому хранителю богословско-философскихъ преданій. П. Б.

Во всемъ существующемъ есть нѣчто главное и всеобщее; въ нечленовныхъ ископаемыхъ—земля, въ растительныхъ—вода; въ животныхъ—огонь, въ человѣкѣ—разумъ и такъ далѣе. Каждое бытіе составляетъ особый кругъ или міръ свой съ различіями, дѣлимостями, раздробленіями до непостижимости.

Каждая главность или всеобщность сихъ круговъ имѣетъ надъ собою и въ себѣ главнѣйшее, всемірное, верховное, единое начало: *вся тѣмъ быша.*

Сіе начало, распространяясь, раздѣляясь въ способности, силы, свойства, постепенности, осуществляетъ невидимыя бытія разнообразно; и въ снисхожденіи своемъ сгущаясь, составляетъ въ человѣкѣ мысленность, въ животныхъ чувства, въ растительной области движеніе, въ нечленовныхъ ископаемыхъ существованіе.

Человѣкѣ, то есть воплощенная способность мыслящая, въ семъ началѣ *живетъ, движется и есть.*

Сія главнѣйшая, всемірная, невидимая сила, единая, умъ, жизнь, движеніе, существованіе изливается изъ непостижимости въ явленіе.

изъ вѣчности во всю обширность времени, изъ единства исключительнаго до безпредѣльной множественности, образуя кругъ челоуѣчества, удѣляетъ оному отъ главности своей благороднѣйшее преимущество: свободную волю.

На семъ корени, на семъ началѣ основывается власть правительствъ, держава владыкъ, сила царей, любовь родителей, честь мудрыхъ, слава добродѣтельныхъ. память праведныхъ.

Множественность предполагаетъ различіе, неравенство и несовершенство; свободная воля предполагаетъ выборъ; выборъ—нравственную способность, могущую познать добро, истину, совершенство, любить оное, искать предпочтительно. Отсюда происходитъ подвигъ исканія. Подвижникъ исканія называется—мудрый; дѣло его—добродѣтель.

Парянинъ и Мидянинъ, Іудей и Эллинъ, рабъ и свободъ равно участвуютъ въ семъ преимуществѣ всемірнаго, верховнаго, единаго начала.

Подвигъ, то есть правильное употребленіе свободной воли, дѣлаетъ раздѣленія, и сей подвигъ въ выборѣ истиннаго, добраго, совершеннаго есть правда, воздающая всякому свое, *полная—полнымъ и тщетная—тщетнымъ*, почему мудрый и праведный есть тоже.

Поставленный между вѣчностью и временемъ, свѣтомъ и тьмою, истиною и ложью, добромъ и зломъ, имѣющій преимущественное право избирать истинное, доброе, совершенное и приводящій то въ исполненіе на самомъ дѣлѣ, во всякомъ мѣстѣ, бытіи, состояніи, знаніи, степени есть мудрый праведный.

Таковъ есть мужъ, о которомъ здѣсь предлежитъ слово.

Григорій (сынъ Саввы) Сковорода родился въ Малой Россіи, Кіевского намѣстничества, Лубенской округи. въ селѣ Чернухахъ. въ 1722 году. Родители его были изъ простолюдства, отецъ—казакъ, мать такого же рода: они имѣли состояніе мѣщанское, посредственно достаточное, но честностью, правдивостью, богопочитаніемъ, миролюбивымъ сосѣдствомъ отличались въ своемъ кругѣ.

Сей сынъ ихъ Григорій по седьмому году отъ рожденія примѣтенъ былъ склонностью къ богочтенію, дарованіемъ къ музыкѣ, охотою къ наукамъ, твердостью духа. Въ церкви ходилъ онъ самоохотно на крыльяхъ и пѣвалъ отменно пріятно. Любимое же и всегда твердое имъ пѣніе былъ сей стихъ Іоанна Дамаскина: *образу златому на полѣ Деирь служиму триє Твои отроци не брегоша безбожнаго велнїя* и пр.

По охотѣ Григорія отецъ отдалъ его въ Кіевское училище, славившееся тогда науками. Григорій скоро превзошелъ сверстниковъ

своихъ успѣхами и похвалами; митрополитъ Кіевскій Самуилъ Миславскій, человѣкъ отличной остроты разума и рѣдкихъ способностей къ наукамъ, будучи тогда соученикомъ его, оставался во всемъ ниже его, Григорія.

Тогда царствовала императрица Елисавета, любительница музыки и Малороссіи. Дарованія Сквороды къ музыкѣ и отмѣнно пріятный голосъ его подавали случай быть ему выбрану ко двору въ пѣвческую музыку, куда и отправленъ былъ онъ при вступленіи на престолъ Государыни.

Онъ не долго находился тамъ. Императрица скоро предпріяла путешествіе въ Кіевъ и съ нею весь кругъ двора. Скворода прибылъ туда. При обратномъ отбытіи двора въ С.-Петербургъ, получа увольненіе съ чиномъ придворнаго уставщика, остался въ Кіевѣ и снова началъ учиться.

Кругъ наукъ, преподаваемыхъ въ Кіевѣ, показался ему недостаточнымъ; онъ возжелалъ видѣть чужіе края. Скоро представился поводъ къ сему, и онъ воспользовался имъ всеохотно.

Отъ Двора отправленъ былъ въ Венгрію къ Токайскимъ садамъ генералъ-майоръ Вишневскій*), который для находившейся тамъ Греко-Россійской церкви хотѣлъ имѣть церковниковъ, способныхъ къ пѣнію и службѣ. Скворода извѣстенъ знаніемъ музыки, голосомъ, желаніемъ быть въ чужихъ краяхъ, разумѣніемъ нѣкоторыхъ языковъ, представленъ былъ Вишневскому одобрительно и взять имъ въ покровительство.

Путешествуя съ генераломъ Вишневскимъ, имѣлъ онъ случай, съ позволенія его и съ помощью его поѣхать изъ Венгріи въ Вѣну, Офенъ, Пресбургъ и прочія окольныя мѣста, гдѣ любопытствуя по охотѣ своей старался знакомиться наипаче съ людьми, ученостью и знаніями отмѣнно славимыми тогда. Онъ говорилъ весьма исправно и съ особливою чистотою Латинскимъ и Нѣмецкимъ языкомъ и довольно разумѣлъ Эллинскій, почему и способствовался сими доставить себѣ знакомство и пріязнь ученыхъ, а съ ними новыя познанія, каковыхъ не имѣлъ и не могъ имѣть въ своемъ отечествѣ.

Возвратясь изъ чужихъ краевъ, наполненъ ученостію, свѣдѣніями, знаніями, но съ состояніемъ весьма тѣснымъ, въ крайнемъ недостаткѣ всего нужнѣйшаго, проживалъ онъ у своихъ пріятелей и знакомыхъ.

*) См. письма Елисаветы Петровны къ этому Вишневскому (предку свѣтлѣйшей княгини Юрьевской) въ „Русскомъ Архивѣ“ 1870 (вып. 2-й). Токайскіе сады продолжали находиться во владѣніи нашего Двора болѣе ста лѣтъ. Александръ Николаевичъ подарилъ ихъ императору Австрійскому. П. Б.

Какъ и сихъ состояніе не весьма было велико, то искали они случая, какъ бы употребиться ему съ пользою его и общественною. Скоро открылось мѣсто учителя поэзіи въ Переяславлѣ, куда онъ и отправился по приглашенію тамошняго епископа.

Сковорода, имѣя основательнѣе и обширнѣе знаніе въ наукахъ, нежели каковы тогда были въ училищахъ провинціальныхъ, написалъ разсужденіе о поэзіи и руководство къ искусству оной образомъ столь новымъ, что епископу показалось страннымъ и несообразнымъ прежнему старинному обычаю. Епископъ приказалъ перемѣнить и преподавать по тогдашнему обыкновенному образу ученія. Сковорода, увѣренъ будучи въ знаніи своемъ и точности дѣла сего, не соглашался оставить написанныя имъ правила для поэзіи, которыя были простѣе и вразумительнѣе для учащихся, да и совсѣмъ новое и точное понятіе давали объ оной. Епископъ требовалъ отъ него письменнаго отвѣта образомъ судебнымъ чрезъ Консисторію, для чего онъ не выполнилъ повелѣнія? Сковорода отвѣтствовалъ, что онъ полагаетъ на судъ всѣхъ знатоковъ въ томъ, что разсужденіе его о поэзіи и руководство, написанное имъ, есть правильное и основанное на природѣ сего искусства; притомъ въ объясненіи прибавилъ Латинскую пословицу: *Alia res scerptrum, alia plectrum* (иное дѣло пастырекій жезлъ, иное пастушья свирѣль).

Епископъ, преобратя отвѣтъ сей въ непослушаніе его и ученость его въ гордость и высокоуміе, далъ своеручное повелѣніе на докладѣ Консисторіи слѣдующее: не живяше посредѣ дому моего творий гордыню. Посему Сковорода выгнанъ былъ изъ училища Переяславскаго не съ честію. Сей былъ первый опытъ твердости его духа.

Недостатки стѣсняли его крайне, но нелюбостыжательный нравъ его поддерживалъ въ немъ веселость и бодрость духа.

Онъ перешелъ изъ училища жить къ пріятелю своему, который зналъ цѣну достоинства его, но не зналъ стѣсненія нужды его. Сковорода не смѣлъ просить помощи, а пріятель не вздумалъ спросить его о надобности; и такъ переносилъ онъ нужды, скромно и молчаливо, терпѣливо, безропотно, не имѣя тогда, какъ только двѣ худыя рубашки, одинъ камлотовый кафтанъ, одни башмаки, одни черныя гарусныя чулки. Нужда обрабатывала въ немъ сердце полезнѣйше и насыла въ немъ сѣмяна терпѣнія такія, которыхъ плодами угобзила жизнь его, содѣлала его мудрымъ и счастливымъ.

Не въ далекомъ разстояніи имѣлъ жительство Малороссійскій именитый дворянинъ Стефанъ Тамара, которому потребенъ былъ учитель

для сына его. Сковорода одобренъ былъ ему отъ знакомыхъ и приглашенъ имъ въ деревню Казрай, гдѣ и порученъ былъ ему сынъ въ смотрѣніе и науку.

Старикъ Тамара отъ природы имѣлъ великій разумъ и по службѣ, обращаясь съ иноземцами, пріобрѣлъ нарочитыя знанія, однако придерживался застарѣлыхъ предубѣжденій, свойственныхъ обыкновеннаго воспитанія людямъ, которые смотрятъ съ презрѣніемъ на все то, что не одѣто гербами и не расписано родословіями.

Сковорода началъ воздѣлывать сердце молодого воспитанника своего и, разсматривая природныя склонности его, помогать только природѣ въ ращеніи направленіемъ легкимъ, нѣжнымъ, нечувствительнымъ, а не безвременно обременять разумъ его науками, и воспитанникъ привязался къ нему внутреннею любовію.

Цѣлый годъ продолжалось обращеніе его съ сыномъ, но отецъ никогда не удостоивалъ учителя ни однимъ словомъ разговора, хотя всякій день за столомъ онъ съ воспитанникомъ бывалъ у него. Чувствительно было такое униженіе челоуѣку, имѣвшему въ низкой простотѣ благородное сердце; но Сковорода сносилъ все то и, не смотря на презрѣніе, на униженіе себѣ, исправлялъ должность свою по совѣстной обязанности. Договоръ былъ сдѣланъ на годъ, и онъ хотѣлъ сдержать слово свое.

Въ одно время разговаривая онъ съ воспитанникомъ своимъ и видя любовь его къ себѣ, а посему и обращаясь съ нимъ откровенно и просто, спросилъ его, какъ онъ мыслить о томъ, что говорили? Воспитанникъ на этотъ случай отвѣчалъ неприлично. Сковорода возразилъ ему, что онъ мыслить о семъ какъ свиная голова. Служители тотчасъ донесли госпожѣ, что учитель называетъ шляхетскаго сына ихъ свиною головою; мать раздосадовала, разжаловалась супругу, требовала мщенія за такую дерзость. Старикъ Тамара, зная совершенно цѣну учителя, но уступая настоянію жены, отказалъ ему отъ дома и должности и, при отпускѣ его въ первый разъ заговоря съ нимъ, сказалъ ему: прости, государь мой; мнѣ жаль тебя.

Тогда уже судьба начинала приготавливать сердце его къ несправедливостямъ людскимъ, которыя имѣлъ онъ испытать въ продолженіи жизни. Сковорода остался безъ мѣста, безъ пропитанія, безъ одежды, но не безъ надежды.

Убогъ, скуденъ, нуждаясь крайне, пріѣхалъ онъ къ пріятелю своему, одному сотнику Переяславльскому, челоуѣку добродушному и страннoлюбивому. Тутъ нечаянно представился ему случай ѣхать въ

Москву съ калиграфомъ, отправлявшимся въ Московскую Академію проповѣдникомъ, съ которымъ онъ, какъ пріятель его, и поѣхалъ, а оттуда въ Троицкую Сергіеву Лавру, гдѣ былъ тогда намѣстникомъ многоученый Кириалъ, бывшій послѣ епископомъ Черниговскимъ. Сей, увидя Сквороду, котораго зналъ уже по слуху и нашедъ въ немъ чловѣка отбѣнныхъ дарованій и учености, старался уговорить его остаться въ Лаврѣ для пользы училища; но любовь его къ отечественному краю отвлекала его въ Малороссію. Онъ возвратился паки въ Переяславль, оставя по себѣ въ Лаврѣ имя ученаго и дружбу Кирилла.

Духъ его отдалилъ его отъ всякихъ привязанностей и, дѣлая его пришельцемъ, пресельникомъ, странникомъ, выдѣлывалъ въ немъ сердце гражданина всемірнаго, который, не имѣя родства, стяжаній, угла, гдѣ главу преклонити, сторицею больше вкушаетъ удовольствій простыхъ, невинныхъ, беззаботныхъ, истинныхъ, почерпаемыхъ умомъ чистымъ и духомъ несмущеннымъ въ сокровищахъ Вѣчнаго.

Не успѣлъ пріѣхать онъ въ Переяславль, какъ разумный Тамара поручилъ знакомымъ своимъ уговаривать его, чтобы паки къ сыну опредѣлился онъ учителемъ. Скворода не соглашался, зная предразсудки его, а паче домашнихъ его; но пріятель его, будучи упрошенъ отъ Тамары, обманомъ привезъ его въ деревню, къ нему ночью, спящаго.

Старикъ Тамара не былъ уже тотъ гербовой вельможа, но ласковый дворянинъ, который хотѣлъ цѣнить людей по внутреннему достоинству ихъ; онъ обласкалъ его дружески, просилъ быть сыну его другомъ и руководствовать его въ наукахъ. Любовь и откровенное его обхожденіе сильнѣе всего дѣйствовали всегда надъ Сквородою; онъ остался у Тамары, съ сердечнымъ желаніемъ быть полезнымъ, безъ договора, безъ условій.

Уединеніе руководствуетъ къ размышленіямъ. Скворода, поселясь въ деревнѣ, подчиня доuku нуждъ необходимыхъ попеченію любимаго и возлюбившаго его господина, обезпечая себя искренностію его, предавался любомудрію, т. е. исканію истины.

Часто, въ свободные часы отъ должности своей, удалялся онъ въ поля, рощи, сады для размышленія. Рано поутру заря спутница ему бывала въ прогулкахъ его и дубравы собесѣдниками глумленій *) его. Лѣта, дарованія, душевныя склонности, природныя нужды житейскія звали его попеременно къ принятію какого либо состоянія жизни; суетность и многозаботливость свѣтская представлялись ему моремъ, обуреваемымъ

*) Въ Псалтирѣ глумленіе значитъ размышленіе. П. Б.

безпрестанно волнами житейскими и никогда плывущаго къ пристани душевнаго спокойствія не доставляющимъ; въ монашествѣ, толико удалившемся отъ начала своего, увидѣлъ онъ мрачное гнѣздо спершихся страстей и за неимѣніемъ исхода себѣ задушающихъ бытіе смертоносно и жалостно. Брачное состояніе сколько ни одобрительно природою, но не пріятствовало безопасному его нраву.

Не рѣша себя ни на какое состояніе, положилъ онъ твердо на сердцѣ своемъ снабдить свою жизнь воздержаніемъ, малодовольствомъ, цѣломудріемъ, смиреніемъ, трудолюбіемъ, терпѣніемъ, благодушествомъ, простотою нравовъ, чистосердіемъ, оставить всѣ искательства суетныя, всѣ попеченія любостыжанія, всѣ трудности излишества. Таковое самоотверженіе сближало его благоуспѣшно къ союзу мудрости.

Душа человѣческая, повергаясь въ состояніе низшихъ себѣ степеней, погружается въ звѣрскія страсти, предаваясь чувству, собственному скотамъ, принимаетъ на себя свойства и качества ихъ, злобу, ярость, несытость, зависть, хитрость, гордость и прочее; возвышаяся же подвигомъ доброй воли выше скотскихъ влеченій, звѣрскихъ побужденій и безсловесныхъ стремленій, восходитъ на высоту чистоты умовъ, которыхъ стихія есть свѣтъ, разумъ, миръ, гармонія, любовь, блаженство, и отъ оныхъ заимствуетъ нѣкоторый духъ величественности видѣнія и разумѣнія высшаго, пространнѣйшаго, далечайшаго, яснѣйшаго и превосходнѣйшей святости въ чувствіяхъ, которыми преисполняясь внутренно*), являетъ въ воображеніи состояніе бытія человѣческаго иногда одобрительно, иногда наказательно, увѣщательно, предварительно и указательно.

Сковорода видѣлъ опытъ сего порядка и силы природы въ себѣ самомъ и описываетъ сіе въ оставшихся по немъ запискахъ своихъ тако.

„Въ полночь Ноября 24-го числа 1758 года, въ селѣ Казрай, казалось во снѣ, будто я разсматриваю различныя охоты житія человѣческаго по разнымъ мѣстамъ. Въ одномъ мѣстѣ я былъ, гдѣ *царскіе чертоги, наряды, музыка, плясанія, гдѣ любящіеся то пѣли, то въ зеркала*

*) Сократу часто снился одинъ сонъ; оный казался ему въ различныхъ видахъ, но всегда приказывалъ одно: Сократъ, прилагайся къ музыкѣ и упражняйся въ оной. Сократъ такъ толковалъ сонъ свой: какъ совершеннѣйшая музыка есть философія, то наиболѣе прилежи къ оной. Критонъ, другъ Сократовъ, пришелъ объявить ему, что завтра, по приговору суда, долженъ онъ умереть. Сократъ сказалъ ему: Такъ и быть сему, но не завтра. Мнѣ снился сонъ въ сіе же утро, что женщина необыкновенной красоты явилась ко мнѣ въ бѣлыхъ рпзахъ и, назвавъ меня по имени, говорила: черезъ три дня прибудешь ты въ плодоносную твою Пнѣю, чтѣ и сбылось.

смотрѣлися, то бѣгали изъ покоя въ покой, снимали маски, садились на богатяя постели и прочая. Оттуда повела меня сила къ простому народу, гдѣ такія же дѣйствія, но особеннымъ образомъ и порядкомъ производились. Люди шли по улицѣ съ склянницами въ рукахъ, шумя, веселясь, шатаясь, какъ обыкновенно въ черномъ народѣ бываетъ; такъ же и любовныя дѣла сроднымъ себѣ образомъ происходили у нихъ; тутъ, поставя въ одинъ рядъ мужескъ, а въ другой женскъ полъ, разсматривали кто хорошъ, кто на кого похожъ и кому достойнъ быть парюю. Отсюда вшелъ я въ постоялыя дома, гдѣ лошади, упряжь, сѣно, расплаты, споры и прочее слышалъ. Наконецъ сила ввела меня въ храмъ нѣкій, обширный и прекрасный; тутъ, якобы въ день Сочествія Св. Духа, служилъ я литургію съ діакономъ и помню точно, что возглашалъ сіе громко: яко святъ еси Боже нашъ и прочее до конца; при семъ по обоимъ хорамъ пѣто было протяжно: Святой Боже... самъ же я съ діакономъ, предъ престоломъ до земли кланяясь, чувствовалъ внутренно сладчайшее удовольствіе, котораго изобразить не могу. Однако и тутъ человѣческими пороками осквернено; сребролюбіе съ кошелькомъ таскается и, самага священника не минуя, почти вырываетъ въ складку отъ мясныхъ обѣдовъ, которые въ смежныхъ почти храму комнатахъ отравляемы, были и въ которыя изъ алтаря многія двери находились; во время литургіи духъ шибалъ до самой святой трапезы. Тутъ я видѣлъ слѣдующее ужасное позорище: какъ нѣкоторымъ недоставало къ ястію птичьихъ и звѣриныхъ мясъ, то они одѣтаго въ черную ризу человѣка, имѣвшаго голая колѣна и убогія сандалии, убитаго, въ рукахъ держа при огнѣ, колѣна и икры жарили и мясо съ истекающимъ жиромъ, отрѣзывая и отрѣзывая, жрали; и сіе дѣлали аки бы нѣкіе служители. Я, не стерпя смрада и свирѣпства сего, отвратилъ очи и вышелъ. Сей сонъ не меньше усладилъ меня, какъ и устрашилъ“*).

Я пишу жизнь человѣка сего въ Христіанскомъ вѣкѣ, странѣ, народѣ и исповѣданіи, да прочтутъ книгу Христіанства и увидятъ, что человѣку толико не сходно быть прозорливымъ во плоти ангеломъ, богочеловѣкомъ, какъ и звѣремъ, бѣсомъ, идоломъ. Не разумливый да не разумѣваетъ.

Сковорода началъ чувствовать вкусъ въ свободѣ отъ суетностей и пристрастій житейскихъ, въ убогомъ, но безпечальномъ состояніи, въ уединеніи, но безъ разстройки съ самимъ собою. Джемудрствующее

*) Тацитъ, политикъ-философъ, глубокомысленный писатель, описывая обстоятельно Цецину съ Армоніусомъ, не пропустилъ упомянуть видѣннаго Цециною сна; читай Тацита лѣтопись, гл. 1-я, 65 артиклъ о Германикусѣ, гл. 11-я, 14 арт.

самолюбіе, сія неукрашенная дщерь свѣтскаго разума. не могла обнять сердце его, величественное свойство мыслящаго бытія. Волю углубилъ онъ со всѣмъ умствованіемъ ея и желаніями въ ничтожность свою и повергъ себя въ волю Творца, предавшись всецѣло жизни и любви Божіей, дабы промыслъ Его располагалъ имъ яко орудіемъ своимъ, аможе хоцетъ и якоже хоцетъ.

Когда человекъ исходитъ изъ круга сомнѣнія, самопроизволенія, самолюбія своего, почитая все то землю пустою, непроходною и безводною, тогда Духъ Святый занимаетъ всѣ чувства его и возстановляетъ царствіе Божіе, т. е. возжигаетъ въ немъ способности жизненныя огнемъ любви своея. Тогда высокое познаніе и разумѣніе, по мѣрѣ расположенія внутренняго и внѣшняго, возникаетъ изъ сосредоточія всѣхъ вещей, аки тончайшій, пронизательнѣйшій огонь съ неизъяснимымъ удовольствіемъ и поглащается бездною свѣта. Въ такомъ состояніи человекъ чувствуетъ взираетъ на Духъ Вседержителя съ радостію и поклоненіемъ, и симъ-то образомъ смиренное самоотверженіе человѣческое можетъ созерцать то, чтѣ есть въ вѣчности и во времени, ибо все, чтѣ близъ его, все, чтѣ окрестъ его, все въ немъ есть.

Григорій, исполняяся живыми чувствами истинъ, изображалъ то перомъ въ сочиненіяхъ простыхъ, но сильныхъ. Между прочими написалъ онъ стихи: Оставя, о духъ мой, вскорѣ... Старикъ Тамара, прочтя оныя и узнавъ отъ него, что то была забава его, сказалъ ему: Другъ мой, Богъ благословилъ тебя дарованіемъ духа и слова.

Все время бытности его у Тамары проходило въ обученіи сына его словеснымъ наукамъ и языку, а себя благочестію и самодовольству.

Наконецъ молодому воспитаннику его надлежало поступить въ другой кругъ упражненій, пристойныхъ по свѣту и по роду, а Сковородѣ судьба подготовила званіе издалече.

Въ Бѣлгородъ прибылъ на епископскій престолъ Іоасафъ Митневичъ, мужъ, исполненный благосердія, добродѣтелей, ученія. Сему архіерею былъ извѣстенъ по закону искусству и по старой пріязни игумень Гervasій Якубовичъ, находившійся тогда въ Переяславлѣ. Іоасафъ пригласилъ Гervasіа раздѣлить съ нимъ епархіальные труды и дружественную жизнь. Гervasій пріѣхалъ въ Бѣлгородъ и, видя ревность Іоасафа къ наукамъ, представилъ ему о Сковородѣ одобрительнѣйше. Епископъ вызвалъ его къ себѣ чрезъ Гervasіа. Сковорода немедленно пріѣхалъ и по волѣ Іоасафа принялъ должность учителя поэзіи въ Харьковскомъ Коллегіумѣ 1759 года.

Отмѣнный образъ его мыслей, ученія, жизни, скоро обратилъ къ нему вниманіе всего общества тамошняго. Онъ одѣвался пристойно, но просто, пищу имѣлъ состоящую изъ зелій, плодовъ и молочныхъ приправъ, употреблялъ оную въ вечеру по захожденіи солнца, мяса и рыбы не вкушалъ не по суевѣрію, но по внутреннему своему расположенію, для сна отдѣлялъ онъ времени своего не болѣе четырехъ часовъ въ сутки, вставалъ до зари и, когда позволяла погода, всегда ходилъ пѣшкомъ за городъ прогуливаться на чистый воздухъ и въ сады; всегда весель, бодръ, легокъ, подвиженъ, цѣломудръ, всѣмъ доволенъ, благодушествующъ, униженъ предъ всѣми, словохотенъ, гдѣ не принужденъ говорить; изъ всего выводящій нравоученіе, почитателенъ ко всякому состоянію людей, посѣщалъ больныхъ, утѣшалъ печальныхъ, раздѣлялъ послѣднее съ неимущими, выбиралъ и любилъ друзей по сердцу ихъ, имѣлъ набоженство безъ суевѣрія, ученость безъ киченія, обхожденіе безъ лести.

Годъ протекъ, и онъ, сконча срочное время, пріѣхалъ къ Іоасафу для препровожденія обыкновеннаго въ училищахъ времени отдохновенія. Епископъ, желая удержать его болѣе при училищѣ, поручилъ Гервасію, какъ пріятелю его, чтобы принялъ онъ монашеское состояніе, обѣщая довести его скоро до сана высокаго духовенства. Гервасій началъ совѣтовать Сквородѣ, предлагая желаніе архіерея, благовидность пользы его, предстоящую ему въ семь поприщѣ честь, славу, почтеніе и по его мнѣнію счастливую жизнь.

Не таковыя долженствовали быть предложены побужденія для сердца Сквороды. Онъ выслушалъ сіе, возревновалъ по истинѣ и сказалъ Гервасію: Развѣ вы хотите, чтобы я умножилъ число фарисеевъ? Ъшьте жирно, пейте сладко, одѣвайтесь мягко и монашествуйте; а Скворода полагаетъ монашество въ жизни нестяжательной, въ малодовольствѣ, воздержанности, въ лишеніи всего ненужнаго, дабы пріобрѣсти все нужнѣйшее, въ отверженности всѣхъ прихотей, дабы сохранить себя самаго въ цѣлости, въ обузданіи самолюбія, дабы удобнѣе выполнить заповѣдь любви къ ближнему, въ исканіи славы Божіей, а не славы человѣческой. Гервасій убѣждалъ его милостію архіерея, дружбою своею, пользою церкви; но Скворода, твердъ духомъ и правилами, возразилъ ему въ отвѣтъ: Благодарствую за милость, за дружбу, за похвалу, я не заслуживаю ничего сего за непослушаніе мое къ вамъ. При семъ случаѣ Гервасій, зная недостатки его и думая, что онъ, нуждаясь содержаніемъ и знакомствомъ въ чужой сторонѣ, долженъ будетъ согласиться на предложеніе его, оказалъ ему остуду. Григорій, примѣтя сіе, рѣшился скоро: на третій же день, дождавшись

въ передней выхода его, подошелъ сказать ему всемирнѣйше: прошу вашего высокопреподобія на путь мнѣ благословенія. Гервасій, не глядя на него, благословилъ его съ досадою, а Скворода, съ миромъ отошедъ, тотчасъ отправился къ пріятелю своему въ деревню Старицу, въ окрестности Бѣлгорода.

Старица была мѣсто изобильное лѣсами, водотечіями, удоліями, благопріятствующими глубокому уединенію. Скворода, поселясь тамъ, паче всего прилежалъ къ познанію себя и упражнялся въ сочиненіяхъ, относительныхъ къ сему. Въ лишеніяхъ своихъ призывая въ помощь вѣру, не полагалъ оной въ наружныхъ обрядахъ однихъ, но въ умерщвленіи самопроизволенія духа, т. е. побужденій отъ себялюбія происходящихъ, въ заключеніи всѣхъ желаній своихъ въ волю всеблагого и всемогущаго Творца, по всѣмъ предпріятіямъ, намѣреніямъ и дѣламъ. Онъ единственно занимался повелѣвать чувству своему и поучать сердце свое, не дерзая господствовать надъ порядкомъ промысла Божія, но повиноваться оному во всей смиренности.

Отецъ Гервасій донесъ епископу объ отказѣ Сквороды на предложеніе его и объ отбытіи его. Добродушный Іоасафъ не подосадовалъ, но только сожалѣлъ о немъ. Между тѣмъ Григорій продолжалъ пустынножителство въ Старицѣ.

Нигдѣ столько не обозрѣваетъ себя человѣкъ, какъ въ уединеніи, и не напрасно сказано древнимъ мудрецомъ: уединенный долженъ быть или царь или звѣрь. Пребороть скуку, проклятое исчадіе недовольства, занять умъ и сердце упражненіями, достаточными ублажить ихъ, есть дѣло не иное*), какъ мудраго, обладающаго собою, царя уединеннаго, священника Божія, понимающаго вездѣсущіе и всеисполненіе духа Господня и поклоняющагося Ему духомъ.

Скворода, проводя тамъ дни свои въ бодрости духа, веселости, безпечаліи, благонадежности, часто говаривалъ при посѣщающихъ его: О свобода! о наука!

Слухъ о необыкновенной жизни его и назидательномъ собесѣдованіи привлекъ многихъ искателей знакомства его. Онъ, посѣщая нѣкоторыхъ по деревнямъ, вздумалъ навѣстить Харьковъ. Нѣкто изъ познакомившихся съ нимъ и сдѣлавшись пріятелемъ его, просилъ, чтобъ, будучи въ Харьковѣ, познакомился онъ съ племянникомъ его,

*) Надобно имѣть глубокое основаніе разума или совѣтъ онаго лишену быть, чтобъ содержать себя долгое время въ уединеніи. Снести себя, ужиться самому съ собою, смотрѣть на себя спокойнымъ духомъ, быть довольну сердцемъ своимъ, не искать себя внѣ себя, есть дѣло великое и ключъ истиннаго счастья.

молодымъ человѣкомъ, находившимся тамъ для наукъ. и не оставилъ бы его добрымъ словомъ.

Сковорода пріѣхалъ въ Харьковъ, жилъ у знакомыхъ своихъ нѣсколько уже недѣль: въ одно время. пришедши посѣтить училище и видя тутъ нѣкоторыхъ незнакомыхъ имъ, спросилъ, не находится ли тутъ такой-то племянникъ Н. Н. Молодой тотъ человѣкъ случился на то время быть тамъ, и знакомые Сковородѣ сказали, что онъ самый тотъ есть. Сковорода, смотря на него, возлюбилъ его до самой смерти. Послѣ увидѣлъ сей молодой человѣкъ, что случай таковой былъ устроень для него перстомъ Божиимъ издалече.

Добрый пастырь Іоасафъ, не теряя изъ виду Сковороды, желая всячески привлечь его паки въ Харьковское училище, извлечь изъ дарованій его пользу, которую онъ чувствовалъ во всей цѣнѣ его, зная, что онъ не любитъ принужденности, пригласилъ его дружески и предложилъ ему должность учителя, какую хочетъ. Довольно было убѣдить Сковороду, чтобъ дать ему только на выборъ дѣло, то или другое. Онъ, имѣя въ виду пользу, намѣреваемую для молодого новаго друга своего, котораго въ сердцѣ уже почиталъ таковымъ (какъ послѣ самъ о семъ изъяснялся), радъ былъ призыву епископа и взялъ предложеніе его всеохотно, съ тѣмъ, чтобы преподавать ему классъ ниже прежняго, синтаксически: сверхъ того взялся обучать Эллинскому языку.

Прибывъ изъ Бѣлграда въ Харьковъ и вступя въ должность, напелъ онъ любимаго своего молодого человѣка, который однако не зналъ и не смѣлъ мыслить, чтобъ могъ быть достойнымъ дружбы его, хотя любилъ и удивлялся философской жизни его и внутренно почиталъ его.

Григорій часто началъ посѣщать его и, по склонности молодого человѣка, занимать его музыкою и чтеніемъ книгъ, служившихъ поводомъ къ разговорамъ и нравоученію. Открывъ въ молодомъ человѣкѣ сердце, какового желалъ онъ, и способности природныя, каковыя любилъ, онъ обратилъ вниманіе свое на удобреніе разума его и духа.

Молодой сей человѣкъ, будучи воспитываемъ до сего полу-учеными школьными учителями, частію монахами (въ чьихъ рукахъ тогда святилища наукъ находились), которые и положили ему въ голову мнѣнія о вещахъ странныя, часто слыша отъ Сковороды противное тому и не могли согласить въ понятіи своемъ новыхъ правилъ со старыми, видя же на самомъ дѣлѣ жизнь его добродѣтельную, цѣломудрую, примѣрную. сомнѣвался самъ въ себѣ и сожалѣлъ душевно, что такой

добродѣтельный мужъ имѣлъ несогласныя съ учеными мнѣнія и правила, а посему и въ заблужденіяхъ находился.

Всѣ книгочіи наставники его, да и весь свѣтъ словомъ и дѣломъ внушали ему, что счастье человѣческое состоитъ въ томъ, чтобъ имѣть всего много, много чтò пить, много чтò ѣсть, много во что одѣваться и въ успѣхахъ праздно веселиться. Сковорода одинъ началъ говорить ему, чтобъ быть истинно счастливымъ, то все оное не нужно; что ограниченіе желаній, отверженіе излишествъ, обузданіе прихотствующей воли, трудолюбіе, исполненіе должности, въ которую Промысль Божій поставилъ кого, не за страхъ, но за совѣсть, суть пути къ счастію. Сковорода говорилъ сіе и жилъ тако.

Велемудрые учили его, что добродѣтель гражданская одна ничто предъ Верховнымъ Существомъ, что Маркъ Аврелій, Сократъ, Платонъ и прочіе, славные съ древности великими дѣлами и сердцемъ люди должны быть счастливы, потому что не имѣли историческаго знанія о вещахъ, случившихся послѣ нихъ. Сковорода утверждалъ, что во всѣхъ оныхъ мужахъ дѣйствовалъ духъ вышній, а посему и недостойны они осужденія, но почтенія и подражанія въ любви, къ истинѣ, и если Богъ есть истина, то они были вѣрные служители Его.

Философы, учившіе молодого человѣка, толковали ему, что къ такому, напримѣръ, жизни состоянію больше и особенно привязано благословеніе Божіе, а къ иному меньше или же и проклятіе; что вѣдѣніе таинствъ и выполненіе обрядовъ тайноводства есть совершенство и высокость человѣка. Сковорода училъ, что всѣ состоянія суть добры, и Богъ, раздѣляя члены общества, никакого не обидѣлъ, проклятіе же налагаетъ Онъ точію на сыновъ противленія, которые, не внявъ себѣ и не послѣдуя знанію природы, вступаютъ въ состояніе по страстямъ, по обманчивымъ видамъ, по прихотямъ и понеже не испытали они въ себѣ склонности врожденной, то и предалъ ихъ Верховный Раздаятель дарованій въ неискусенъ умъ, да творятъ неподобное и будутъ прокляты, т. е. несчастливы. Сковорода училъ, что совершенство человѣка состоитъ въ дѣланіи истинной пользы ближнему и что таинства и обряды тайноводства относительно къ слову: Царствіе Божіе есть въ силѣ, т. е. въ дѣлѣ.

Молодой человѣкъ, напоенъ будучи изъ млада предувѣреніями, слушая Сковороду, возчувствовалъ въ себѣ возбужденную борьбу мыслей и не зналъ, чѣмъ рѣшить оную. Прочіе учителя внушали ему отвращеніе къ Сковородѣ, запрещали имѣть знакомство съ нимъ, слушать разговора его и даже видѣться съ нимъ. Онъ любилъ сердце

его, но дичился разума его; почиталъ жизнь, но не вмѣщалъ въ умъ разсужденія его, уважалъ добродѣтели, но устранялся мнѣній его; видѣлъ чистоту нравовъ, но не узнавалъ истины разума его, желалъ быть другомъ, но не ученикомъ его.

Трудно изгладить первыя впечатлѣнія. Сковорода продолжалъ преподавать синтаксисъ и Эллинскій языкъ общественно, а любимаго своего молодого человѣка обучалъ особенно Греческому языку и чтенію древнихъ книгъ, изъ которыхъ любимѣйшіе имъ были слѣдующіе писатели: Плутархъ, Филонъ Іудіанеинъ, Цицеронъ, Горацій, Лукіанъ, Діонисій Ареопагитскій, Оригенъ, Ниль, Климентъ Александрійскій, Максимъ Исповѣдникъ, а изъ новыхъ, относительныхъ къ симъ; глава же всѣмъ—Библия. Сила, содержаніе и конецъ учебнаго ихъ упражненія было сердце, т. е. основаніе блаженной жизни.

Предпринявъ перевоспитывать его и желая больше и больше дать ему впечатлѣній истины, писывалъ онъ къ нему письма почти ежедневно, дабы, пробудя его къ отвѣтствованію хотя кратко на оныя, пріучать его мыслить, разсуждать, изъясняться справедливо, точно, прилично.

Предразсудки, возбуждаемые различіемъ мнѣній, не позволяли сумнѣніямъ въ юношѣ искорениться; странное происшествіе истребило оныя до основанія, и сіе такъ описано въ подневныхъ запискахъ сего молодого человѣка.

„1763 года, будучи я занятъ размышленіями о правилахъ, внутреннихъ мнѣ Сковородою и нашедъ въ умѣ моемъ оныя несогласными съ образомъ мыслей прочіихъ, желалъ сердечно, чтобъ кто либо посвятилъ меня въ истинѣ. Въ тайномъ расположеніи находясь и поставя себя въ возможную чистоту сердца, видѣлъ я слѣдующій сонъ*).

„Казалось, что на небѣ отъ одного края до другого по всему пространству онаго были написаны золотыми великими буквами слова. Все небо было голубого цвѣта, и золотыя слова оныя казались не столько снаружи блестящими, но больше внутри сіяли прозрачнымъ свѣтомъ и не совокупно написаны по лицу небеснаго пространства, но складами по слогамъ и содержали слѣдующее и точно такимъ образомъ: па-мять-свя-тыхъ-муче-никъ-А-на-ні-я, А-за-рі-я, Ми-са-ила. Изъ сихъ золотыхъ словъ сыпались огненные искры, подобно какъ въ кузницѣ изъ раздуваемыхъ сильно мѣхами угольевъ, и падали стремительно на Григорія С. Сковороду. Онъ стоялъ на землѣ, поднимъ

*) Зри книгу Филона о снахъ и къ Коринѣ. 2 посл. гл. 12. Іоан. гл. 33. ст. 15, 16.

вверхъ прямо правую руку и лѣвую ногу въ видѣ проповѣдывающаго Іоанна Крестителя, котораго живописцы нѣкоторыя въ изображеніяхъ представляютъ въ такомъ расположеніи тѣла и каковымъ Сковорода тутъ же мнѣ вообразился. Я стоялъ близъ его, а нѣкоторыя искры изъ падающихъ на него, отскакивая, упали на меня и производили во мнѣ нѣкую легкость, развязанность, свободу, бодрость, охоту, веселость, ясность, согрѣяніе и неизъяснимое удовольствіе духа; я въ исполненіи сладчайшаго удовольствія проснулся“.

„По утру, вставъ рано, пересказалъ я сіе видѣніе странное почтенному и добродѣтельному старику Троицкому священнику Бор., у котораго я имѣлъ квартиру. Старикъ, подумавши, сказалъ мнѣ съ умиленіемъ: Ахъ молодой человѣкъ, слушайте вы сего мужа; онъ поставленъ вамъ отъ Бога быть руководителемъ и наставникомъ“.

Съ того часа молодой сей человѣкъ предался вседушно дружбѣ Григорія, и съ сего времени я въ продолженіи писанія сего буду называть его другомъ по превосходству *).

Представившіеся въ веледѣпномъ видѣ написанныя на небеси имена трехъ отроковъ были тѣхъ самыхъ, которыхъ исторія изображена въ томъ любимомъ Сковородою Дамаскининомъ стихѣ, который пѣвалъ онъ при всякомъ случаѣ въ молодости своей, по нѣкому машинальному побужденію, какъ о семъ упомянуто въ началѣ сего. Ни Сковорода о любимомъ семъ стихѣ, ни другъ его о видѣнномъ имъ никогда другъ другу не рассказывали и не знали. По прошествіи тридцати одного года, за два мѣсяца до кончины своей, Сковорода, будучи у друга сего въ деревнѣ и пересказывая ему всю жизнь свою, упомянулъ о томъ стихѣ Дамаскиновомъ, что онъ почти всегда имѣлъ его въ устахъ его и, самъ не зная почему, любилъ его паче прочихъ пѣній. Другъ, сіе слыша тогда и привелъ на память видѣнное имъ за 31 годъ назадъ, въ молчаніи удивлялся гармоніи чудесной, которая въ различныя лѣта, въ разныхъ мѣстахъ. то одному въ уста, то другому послѣ въ воображеніе полагала въ возбужденіе сердець ихъ къ выполненію и явленію разума и силы. Исторія оной, на самомъ дѣлѣ въ жизни ихъ, впрочемъ другъ его никогда ему о семъ видѣнномъ не говорилъ и послѣ.

Ежели по духовному разуму исторіи образъ златый, на полѣ Деирѣ служимый, есть міръ сей; поле Деирово—время; печь огненная—плоть наша, разжигаемая желаніями, похотѣніями, суестрастями, пламенемъ, жгущимъ духъ нашъ. Если трие отроцы, не послужившіе

*) Сей самый писатель жизни.

твари и небрегшіе поклониться идолу золотому, суть три главнѣйшія способности человѣческія: умъ, воля и дѣяніе, не покоряющіеся духу міра сего, въ злѣ лежащаго, и повреждены огнемъ любострастныхъ плотъ, не прохладяея свыше духомъ святымъ, пѣснословно изображаютъ Дѣву Богоматерь, дѣвственное сердце, непорочность души человѣческой: то огонь, падающій изобильными струями на Григорія Сквороду изъ златовидныхъ именъ, написанныхъ на небеси трехъ отроковъ Израильскихъ, есть тайнообразовательное свидѣтельство почивающаго на немъ духа Божія.

Какъ Богъ даетъ дарованіе духа не въ одну мѣру, но различно, по различію отраслей всецѣлаго, то людей, вступающихъ въ состояніе жизни невоврожденной способности, называлъ Скворода людьми безъ Минервы. Такъ, часто видя робкаго военачальника, грабителя судію, хвастуна богослова, роскошнаго монаха и проч., съ досадою говорилъ: Вотъ люди безъ Минервы. Взглянувъ на изображение царствующей въ вѣкъ его Екатерины II, находившееся у друга его въ гостиномъ покоѣ, сказалъ онъ съ движеніемъ: вотъ голова съ Минервою.

Онъ мыслилъ, что счастье человѣка состоитъ въ томъ, чтобъ, узнавъ собственную свою способность, по оной употребить себя въ жизни. Такъ, многіе богословы были бы, можетъ быть, лучшими стряпчими по дѣламъ, многіе ученые—разнощиками, многіе судьи—пахарями, военачальники—пастухами, монахи—цѣловальниками и проч.

Отсюда, заключалъ онъ, происходитъ, что одно и тоже самое состояніе жизни одного ублажаетъ, а другого окаянствуетъ; одного воинскій чинъ прославляетъ, а другого посрамляетъ; одного царскій вѣнецъ преукрашаетъ благословеніемъ, славою, безсмертіемъ, а другого низвергаетъ во тьму кромѣшную съ проклятіемъ имени его; одного богословіе дѣлаетъ свѣтильникомъ міра, обладателемъ надъ сердцами, славнымъ безъ славы, почтеннымъ безъ почестей, а другого—обманщикомъ, лицемѣромъ, лжецомъ, хвастуномъ, высокоумствующимъ; одного ученіе возвысило до небесъ, а другого низвело до ада; одному судейство доставило имя благодѣтеля, а другому—разбойника; одному начальство въ похвалу и честь, а другому въ хулу и поношеніе; одного монашество освятило, а другого очернило и погубило во вѣки.

Такое правдивое, но для многихъ колкое изъясненіе скоро навлекло ему брань. Ложь, порокъ вооружили на него орудіе свое въ лицахъ многихъ. Но рука Господня была съ нимъ, и онъ превозмогалъ ею всѣ навѣты глупыхъ и злыхъ человѣковъ.

Не довольствуясь бесѣдою о семъ, приглашалъ онъ друга своего въ лѣтнее время прогуливаться поздно вечеромъ за городъ и нечувствительно доводилъ его до кладбища городского; тутъ, ходя въ полночь между могилъ и видимыхъ на песчаномъ мѣстѣ отъ вѣтра разрытыхъ гробовъ, разговаривалъ о безразсудной страшливости людской, возбуждаемой въ воображеніи ихъ отъ усопшихъ тѣлъ; иногда пѣлъ тамъ что либо приличное, благодушествуя; иногда же, удаляся въ близъ лежащую рощу, игралъ на флейтраверсѣ, оставя друга младого между гробовъ одного, якобы для того, чтобъ издали ему пріятнѣе было слушать музыку. Сей, непримѣтно освобождаясь отъ пустыхъ впечатлѣній, мечтательныхъ страховъ, въ спокойствіи сердечномъ внутренно возсылалъ благодареніе Промыслу Божию за ниспосланіе ему мудраго друга и наставника.

Въ 1764 году другъ его вознамѣрился поѣхать въ Кіевъ для любопытства. Сковорода рѣшился сопутствовать ему, куда и отправились они въ Августъ мѣсяцъ.

По пріѣздѣ туда, при обзорѣваніи древностей тамошнихъ, Сковорода былъ ему истолкователемъ исторіи, мѣста, нравовъ и древнихъ обычаевъ и побудителемъ къ подражанію духовнаго благочестія почивающихъ тамъ усопшихъ святыхъ, но не жизни живого монашества.

Многіе изъ учениковъ его бывшихъ, изъ знакомыхъ, изъ родственниковъ, будучи тогда монахами въ Печерской лаврѣ, напали на него неотступно, говоря кругомъ: полно бродить по свѣту, пора пристать къ гавани; намъ извѣстны твои таланты, Святая Лавра приметъ тя, аки мати свое чадо, ты будешь столбъ церкви и украшеніе обители. Ахъ, преподобные, возразилъ онъ съ горячностью, я столботворенія собою умножать не хочу, довольно и васъ столбовъ неотесанныхъ во храмъ Божиємъ.

За симъ привѣтствіемъ старцы замолчали, а Сковорода, смотря на нихъ, продолжалъ: Ряса, ряса, коль немногихъ ты опреподобила, коль многихъ окаянствовала! Міръ ловить людей разными сѣтями, накрывая оныя богатствами, честями, славою, друзьями, знакомствами, покровительствомъ, выгодами, утѣхами и святынею, но всѣхъ несчастіе сѣтъ послѣдняя. Блаженъ, кто святость сердца, т. е. счастье свое не сокрылъ въ ризѣ, но въ волѣ Господней.

Монахи перемѣнялись въ лицѣ, слушая сіе; но звонъ позвалъ ихъ, и они поспѣшили на молитву. Одинъ изъ нихъ просилъ Сковороду съ другомъ его на завтра прогуляться за монастырь; согласясь, пошли всѣ трое и сѣли на горѣ, надъ Днѣпромъ. Отецъ Калистратъ (такъ назы-

вался онъ), обнявъ тутъ Сквороду, сказалъ: О мудрый мужь, я и самъ такъ мыслю, какъ ты вчера говорилъ предъ нашею братією, но не смѣлъ никогда слѣдовать мыслямъ моимъ; я чувствую, что я не рожденъ къ сему черному наряду, а введенъ въ оный однимъ видомъ благочестія и мучу жизнь мою, могу ли я...? Скворода отвѣтствовалъ: отъ человѣкъ невозможно, отъ Бога же вся возможна суть.

По прошествіи нѣсколькихъ дней надлежало другу его возвратиться во свояси. Скворода, будучи упрошенъ родственникомъ своимъ, соборнымъ Печерскимъ типографомъ Іустиномъ, остался въ Кіевѣ.

Не прошло двухъ мѣсяцевъ, какъ онъ пріѣхалъ изъ Кіева паки въ Харьковъ, Украину предпочитая Малороссію, за воздухъ и воды; рѣки почти всѣ цвѣтутъ въ Малороссію, отчего и воздухъ имѣетъ гнилость. Онъ обыкновенно называлъ Малороссію матерью, потому что родился тамъ, а Украину теткою, по жительству его въ оной и по любви его къ ней.

Въ Харьковѣ былъ губернаторомъ Евдокимъ Алексѣевичъ Щербининъ, человѣкъ, не имѣвшій учебнаго воспитанія, но одаренъ природнымъ здравымъ разумомъ, любитель наукъ, талантовъ, музыки, въ которой и самъ онъ былъ весьма искусенъ и знающъ. Наслышавъ о Сквородѣ, призвалъ онъ его къ себѣ и, поговоря съ нимъ, сказалъ ему: честной человѣкъ, для чего не возьмешь себѣ никакого извѣстнаго состоянія? Милостивый государь, отвѣтствовалъ Скворода, свѣтъ подобенъ театру. Чтобъ представить на театрѣ игру съ успѣхомъ и похвалою, то берутъ роли по способностямъ; дѣйствующее лицо на театрѣ не по знатности роли, но за удачность игры вообще похваляется. Я долго разсуждалъ о семъ и по многомъ испытаніи себя увидѣлъ, что не могу представить на театрѣ свѣта никакого лица удачно. кромѣ самаго низкаго, простаго, безпечнаго, уединеннаго; я сію ролю выбралъ, взялъ — и доволенъ. Губернаторъ, посмотря на него съ удовольствіемъ, полюбилъ его и сказалъ предстоящимъ: Вотъ умный человѣкъ. Онъ прямо счастливъ; меньше было бы на свѣтѣ дурачествъ и недовольствій, если бы люди такъ мыслили.

Но другъ мой, продолжалъ Щербининъ, отведя его особенно изъ круга, можетъ быть ты имѣешь способности къ другимъ состояніямъ, въ общежитіи полезнымъ, да привычка, мнѣніе, предувѣреніе... Если бы я почувствовалъ сего дня, перервалъ рѣчь Скворода, что могу безъ робости рубить Турокъ, то съ сего дня привязалъ бы я гусарскую саблю и, надѣвъ киверъ, пошелъ бы служить въ войско. Трудъ приврожденной склонности есть удовольствіе. Песъ бережетъ стадо день и

ночь по врожденной любви и терзаетъ волка по врожденной склонности, не смотря на то, что и самъ подвергается опасности быть растерзанъ отъ хищниковъ; ни конь, ни свинья не сдѣлають сего, понеже не имѣють природы къ тому; склонность, охота, удовольствіе, природа, сила Божія, Богъ. Есть тоже склонности, есть природы злыя, и сіи суть явленія гнѣва Божія. Сіе напечатлено ощутительно на кругообращеніи дни и ночи, лѣта и зимы, жизни и смерти, вѣчности и времени. Богъ есть Богъ живота или любви*) и Богъ суда или гнѣва. Всѣ твари суть грубые служебные органы свойствъ сихъ Верховнаго Существа. Одинъ человекъ есть благороднѣйшее орудіе Его, имѣющее преимущество свободы и полную волю избранія, а потому и цѣну и отчетъ за употребленіе права своего въ себѣ держащее. Отсюда естественно происходитъ понятіе о правосудіи, милосердіи и благости въ Творцѣ, а когда во Творцѣ, то и въ тваряхъ, наипаче приближенныхъ къ Нему даромъ разума; отсюда власти, правительства, державы, свойства, общества, состоянія, отсюда родители, цари, начальники, воины, судіе, господіе, рабы; но единъ Богъ во всемъ, и вся въ Немъ. Щербининъ въ сладости послушалъ его и убѣждалъ его ходить къ нему чаще.

Сковорода, держась приличія того лица, которое избралъ онъ представлять на театрѣ жизни, всегда удалялся знатныхъ особъ, великихъ обществъ и чиновныхъ знакомствъ; любилъ быть въ маломъ кругѣ непринужденнаго обращенія, съ людьми откровенными; предпочиталъ сердечное обхожденіе паче всякихъ ласкательныхъ приемовъ; въ собраніяхъ занималъ всегда послѣднее мѣсто, ниже всѣхъ и неохотно входилъ въ бесѣду съ незнакомыми, кромѣ престолюдиновъ.

Любимое, но не главное, его упражненіе была музыка, которой онъ занимался для забавы и препровождалъ праздное время; онъ сочинилъ духовные концерты, положи нѣкоторыя псалмы на музыку, такъ же и стихи, пѣваемые во время литургіи, которыхъ музыка преисполнена гармоніи простой, но важной, проникающей, плѣняющей, умиляющей. Онъ имѣлъ особую склонность и вкусъ къ ахроматическому роду музыки. Сверхъ церковной онъ сочинилъ многія пѣсни въ стихахъ и самъ игралъ на скрипкѣ, флейтраверсѣ, бандурѣ и гусяхъ, пріятно и со вкусомъ.

Въ 1766 году, по повелѣнію благополучно царствующей Екатерины II, къ Харьковскимъ училищамъ, по предстательству Щербинина, прибавлены нѣкоторыя науки подъ названіемъ прибавочныхъ классовъ. Между прочимъ назначено было преподавать благородному

*) Ев. Іоанна, гл. 3.

юношеству правила благонравія. Начальство признало способнѣйшимъ къ сему Сковороду и приглашало его. Онъ охотнѣе принялъ сіе предложеніе и не захотѣлъ брать опредѣленнаго за классъ сей по окладу жалованья, почитая, что удовольствіе, которое находитъ онъ быть въ семъ случаѣ полезнымъ по склонности своей, замѣняетъ ему всякую мзду. По сему поводу написалъ онъ въ то время сочиненіе, извѣстное подъ симъ названіемъ: „Начальная дверь къ Христіанскому добронравію для молодого шляхетства Харьковской губерніи“.

Сочиненіе сіе содержало въ себѣ простыя истины, краткія правила, коренныя познанія должностей, относительныхъ до общежитія. Всѣ просвѣщенные люди признавали въ ономъ чистыя понятія, справедливыя мысли, основательныя разсужденія, чувствительныя побужденія, благородныя правила, движуція сердце къ подобному себѣ концу высокому. Но какъ все то основывалось на познаніи Бога и достойномъ почитаніи Оного, то епископъ Бѣлградскій, бывшій тогда епархіальнымъ, почитая такое разсужденіе въ устахъ свѣтскаго человѣка за похищеніе власти и преимуществъ своихъ, вознегодовалъ на него съ гоненіемъ, требовалъ книжицу на разсмотрѣніе, нашель нѣкоторыя неясности для него и сомнѣнія въ рѣчахъ и образѣ ученія, не соответствующій обыкновенному правилу, почему и препоручилъ своимъ спросить Сковороду, для чего онъ преподавалъ наставленіе Христіанскаго благонравія различнымъ образомъ отъ обыкновеннаго? Сковорода отвѣтствовалъ: дворянство различествуетъ званіемъ и одѣяніемъ отъ черни народной и монаховъ, для чего же не имѣтъ оному и понятій различныхъ о томъ, что нужно знать ему въ жизни? Такъ ли, продолжалъ онъ въ отвѣтъ, Государя разумъ почитаетъ пастухъ свиной и цѣловальникъ, какъ министръ его, военачальникъ, градоначальникъ? Подобно и дворянству, такія ли прилично мысли имѣтъ о Богѣ, какъ въ монастырскихъ уставахъ и школьныхъ типикахъ? По семъ отвѣтъ все замолчало.

Сковорода, побуждаемъ духомъ, удалился въ глубокое уединеніе. Близъ Харькова есть мѣсто, называемое Гужвинское, принадлежащее помѣщикамъ Земборскимъ, которыхъ любилъ онъ за добродушіе ихъ; оное покрыто угрюмымъ лѣсомъ, въ срединѣ котораго находился пчельникъ съ одной хижиной. Тутъ поселился Григорій, укрываясь отъ молвы житейской и злословій.

Предавшися на свободѣ размышленіямъ и огражда спокойствіе духа безмолвіемъ, безстрастіемъ, безсуетностію, написалъ онъ тутъ первое сочиненіе свое въ образѣ книги, названной имъ: „Наркисъ или о томъ

познай себя“. Превнїя его до того писанныя малыя сочиненїя были только отрывочныя въ стихахъ и прозѣ.

Продолжая тамъ же свое пустынножителство, написалъ онъ другое сочиненїе подъ именемъ: Книга, „Аеханъ о познанїи себя самаго“, которое приписалъ¹⁾ другу своему.

Лжемудріе, високоумїе не въ силахъ будучи вредить ему злословіемъ, употребило другое орудїе—клевету. Оно разглашало повсюду, что Скворода оуждаетъ употребленїе мясъ и вина и самъ чуждается оныхъ, а какъ извѣстно, что такое ученїе есть ересь Манихейская, проклятая отъ святыхъ соборовъ, то законословы и дали ему прилагательное имя Манихейскаго ученика; сверхъ того доказывали, что онъ называетъ вредными сами по себѣ золото, серебро, драгоценныя вещи, одежды и проч.; какъ же Богъ ничего вреднаго не сотворилъ, а всѣ тѣ вещи Имъ созданы, то и заключали, что онъ богохульникъ. Притомъ, поелику Скворода удаляется отъ людей, чуждается обществъ, бѣгаетъ состоянїя въ общежитїи, скрывается въ лѣса, то и выводили естественнымъ послѣдствїемъ, что онъ не имѣетъ любви къ ближнему, а потому и называли его мизантропомъ, т. е. человѣконенавистникомъ.

Скворода, узнавши о томъ и не желая, чтобы добрыя и простодушныя сердца соблазнились о немъ сими разглашенїями клеветы, явился въ городъ и, нашедъ въ одномъ собранїи приличный случай къ объясненїю правилъ своихъ, говорилъ тако²⁾: Было время и теперь бываетъ, что для внутренней моей экономїи воздерживаюсь я отъ мясъ и вина, но потому ли лекаръ оуждаетъ на примѣръ чеснокъ, когда велитъ поудержаться отъ употребленїя онаго тому, у котораго вредный жаръ вступилъ въ глаза? Все благосотворено отъ всецедраго Творца, но не все всѣмъ всегда бываетъ полезно. Правда, что я совѣтовалъ нѣкоторымъ, дабы они осторожно поступали съ виномъ и мясомъ, а иногда и совсѣмъ отъ него отводилъ ихъ, разсуждая горячую молодость ихъ. Но когда отецъ младолѣтнему сыну вырываетъ изъ рукъ ножъ и не даетъ ему употребленїя оружейнаго пороху, самъ однакоже пользуясь оными, то не ясно ли видно, что сынъ еще не можетъ владѣть правильно тѣми вещами и обращать ихъ въ пользу, ради которой онѣ избрѣтены? Вотъ почему приняли меня за Манихейскаго ученика! Не ложно то, что всякій родъ пищи и питїя есть полезенъ и добръ, но надлежитъ брать въ разсужденїе время, мѣсто, мѣру, особу. Не бѣдственно ли было бы сосущему грудь младенцу дать крѣпкой водки,

¹⁾ Т. е. по нынѣшнему: *посвятит. П. Б.*

²⁾ Сїе самое объясненїе описываетъ онъ въ письмѣ къ нѣкоторому другу своему.

или не смѣшно ли работавшему въ потѣ лица весь день на стужѣ дровосѣку подать стаканъ молока въ подкрѣпленіе силъ его? Какъ же несправедливо почли меня за Манихея, такъ и недостойно за человѣконенавистника и ругателя даровъ Божіихъ. Когда Богъ опредѣлилъ мнѣ въ низкомъ лицѣ быть на театрѣ свѣта сего, то должно уже мнѣ и въ нарядѣ, въ одѣяніи, въ поступкахъ и въ обращеніи со степенными, сановными, знаменитыми, почтенными людьми наблюдать благопристойность, уваженіе и всегда помнить мою ничтожность предъ ними; сіе самъ я стараясь сохранить и прочіимъ совѣтовалъ дѣлать также, отчего и попалъ я въ оклеветаніе. Оглагольники мои если бы приписывали мнѣ обыкновенныя слабости или пороки, то сносно было бы мнѣ; но сіи языковредные, представляя меня развращающимъ нравы, дѣлають меня еще душегубителемъ, т. е. еретикомъ и подъ симъ видомъ запрещаютъ, отговариваютъ, отсовѣтываютъ вступать со мною въ знакомство, въ бесѣду, въ обращеніе. Я говаривалъ молодымъ людямъ совѣтывать со своею природою, чтобы они на позорищѣ жизни могли сохранить благопристойность, приличную искуснымъ дѣйствующимъ лицамъ; а если кто взялъ ролю не совсѣмъ сродную ему, то старался бы какъ можно удачнѣе оную представить и поступать безъ соблазновъ, дабы хоть нѣсколько жалобы между людьми и роптаніе передъ Богомъ на состоянія свои уменьшились.

Слушавшіе тутъ другъ на друга взглядывались, и никто ни слова не сказалъ ему на сіе. Сковорода, поклонясь всѣмъ, отправился тогда же въ уединеніе.

Въ Изюмской округѣ Харьковской губерніи имѣли жительство дворяне Сошальскіе, которыхъ братъ меньшей просилъ тутъ же Сковороду пожить у него, предлагая ему покойное пребываніе въ деревнѣ его, гдѣ все по вкусу и охотѣ своей онъ могъ найти, какъ и самого хозяина, ищущаго любви его. Сковорода поѣхалъ съ нимъ въ деревню его Гусинку, полюбилъ мѣсто и хозяевъ и поселился не въ далекомъ разстояніи отъ деревни, въ пасѣнкѣ ихъ.

Тишина, безмятежіе, свобода возбудили въ немъ всѣ чувства тѣхъ драгоценныхъ удовольствій, которыя опытомъ извѣстны однимъ мудрымъ и цѣломудреннымъ. Мнози глаголють (такъ писалъ онъ къ другу своему), что дѣлаетъ въ жизни Сковорода? Чѣмъ забавляется? Азъ же въ Господѣ возрадуюся, везвеселюся о Бозѣ, Спасѣ моемъ. Радованіе есть цвѣтъ человѣческой жизни, продолжалъ онъ, есть его главная точка всѣхъ подвиговъ; всѣ дѣла коеяждо жизни сюда текутъ. Суть нѣкіе, аки безъ главной точки живущіе, безъ цѣли, безъ пристани плавающіе. Но о развращенныхъ я не говорю, свое всякому радованіе

мило. Азъ же поглумлюся, позабавлюся въ заповѣдяхъ Вѣчнаго. Все исходитъ въ скуку и омерзѣніе кромѣ сея забавы, и пути ея—пути вѣчны.

Между тѣмъ кругъ жизни друга его доходилъ до той точки, на которой означается двупутіе Геркулесово. Онъ вознамѣрился ѣхать въ столицу для службы; въ 1769 году отправился туда и прибылъ въ Ноябрь.

Свѣтъ представился ему во всей великости своихъ прелестей. Потокъ мыслей покрылъ разумъ его, и бездна желаній отверзлась предъ сердцемъ его. Но пріучась отъ наставника своего Сковороды относиться во всѣхъ своихъ предпріятіяхъ къ мановенію внутренняго духа, силою его пробудился отъ обольстительнаго удивленія, и три года прожилъ въ столицѣ, всегда хранимъ подъ державою его, соблюлъ душевное спокойствіе.

Въ 1770 году Сковорода, согласясь съ Сошальскимъ, поѣхали въ Кіевъ. Родственникъ его Іустинъ былъ начальникомъ Китаевской пустыни, чѣмъ подлѣ Кіева. Сковорода поселился у него въ монастырѣ и три мѣсяца провелъ тутъ съ удовольствіемъ. Но вдругъ примѣтилъ въ себѣ*) внутренне движеніе духа непонятное, побуждающее его ѣхать изъ Кіева. Слѣдуя сему, по своему обыкновенію, просилъ онъ Іустина, чтобъ отпустилъ его въ Харьковъ. Сей уговариваетъ его остаться. Григорій непреклонно настаивать, чтобъ отправить его. Іустинъ заклинаетъ его всею святынею не оставлять его; сей, видя нерасположеніе Іустина къ отпуску его, пошелъ въ Кіевъ къ пріятелямъ попросить, чтобъ отправили его въ Украйну; тѣ удерживаютъ его, онъ отговаривается, что ему духъ настоятельно велитъ удалиться изъ Кіева. Между симъ пошелъ онъ на Подоль, нижній городъ въ Кіевѣ. Пришедъ на гору, откуда сходятъ на Подоль, вдругъ остановясь, почувствовалъ онъ обоняніемъ такой сильный запахъ мертвыхъ труповъ, что перенести не могъ и тотчасъ повернулся домой. Духъ убѣдительно погналъ его изъ города, и онъ съ неудовольствіемъ отца Іустина, но съ благоволеніемъ духа отправился въ путь на другой же день.

Пріѣхавъ черезъ двѣ недѣли въ Ахтырку-городъ, остановился онъ въ монастырѣ у пріятеля своего архимандрита Венедикта. Прекрасное мѣстоположеніе и пріязнь добродушнаго монаха сего успокоили его. Тутъ вдругъ получили извѣстіе, что въ Кіевѣ сказалась моровая язва,

*) Ксенофонтъ и Платонъ описываютъ различныя происшествія, гдѣ Сократовъ духъ предсказывалъ такія вещи, которыхъ не можно истолковать изъ обыкновенныхъ извѣстныхъ, естественныхъ силъ души.

о которой въ бытность его и не слышно было и что городъ запертъ уже. Сердце его дотолѣ почитало Бога аки рабъ; оттолѣ возлюбило Его аки другъ. и о семъ онъ разсказывалъ другу своему тако.

„Имѣя зажженныя мысли и чувствія души моей благоговѣніемъ и благодарностію къ Богу, вставъ рано, пошелъ я въ садъ прогуляться. Первое ощущеніе, которое осязалъ я сердцемъ моимъ, была нѣкая развязность, легкость, свобода, бодрость, надежда съ исполненіемъ; вводя въ сіе расположеніе духа всю волю и всѣ желанія мои, почувствовалъ я внутри себя чрезвычайное движеніе, которое преисполняло меня силы непонятной. Мгновенно изліяніе нѣкое, сладчайшее, наполнило душу мою, отъ котораго все внутреннее возгорѣлось огнемъ, и казалось, что въ жилахъ моихъ пламенное теченіе кругообращалось. Я началъ не ходить, а бѣгать, аки бы носимъ нѣкимъ восхищеніемъ, не чувствуя въ себѣ ни рукъ, ни ногъ, но будто бы весь я состоялъ изъ огненнаго состава, носимаго въ пространствѣ кругобытія. Весь міръ исчезъ предо мною; одно чувствіе любви, благонадежности, спокойствія, вѣчности оживляло существованіе мое. Слезы полились изъ очей моихъ ручьями и разлили нѣкую умиленную гармонию во весь составъ мой. Я приникъ въ себя, ощутилъ аки сыновнее любви увѣреніе и съ того часа посвятилъ себя на сыновнее повиновеніе духу Божію“.

По прошествіи двадцати четырехъ лѣтъ пересказывалъ онъ сіе другу своему съ особеннымъ чувствованіемъ, давая знать, какъ близъ насъ есть Богъ, koliko промышляетъ о насъ, хранить насъ, якоже кокошь птенцы своя, подъ крылѣ своя собравъ, аще мы точію не удаляемся отъ Него во мрачныя желанія воли нашей растлѣнной.

Поживъ нѣсколько у отца Венедикта, отправился онъ паки въ Гусинку, къ Сошальскимъ, гдѣ и занялся упражненіями сочиненій.

Въ 1772 году въ Февралѣ мѣсяцѣ другъ его поѣхалъ въ чужіе край и, бывъ во Франціи въ разныхъ городахъ, прибылъ въ 1773 году въ Швейцарію въ городъ Лозань.

Между многими умными и учеными людьми, каковыхъ въ Лозанѣ нашелъ онъ, находился тамъ нѣкто Даніиль Мейнгартъ, человекъ отъмѣннаго разума природнаго, имѣющій даръ слова, ученость рѣдкую, обширныя познанія, благонравіе философское. Онъ столько былъ похожъ чертами лица, обращеніемъ, образомъ мыслей, даромъ слова на Сковороду, что можно бы почестъ его ближнимъ родственникомъ его. Другъ Сковороды познакомился съ нимъ, и они другъ друга столько полюбили, что Мейнгартъ, имѣя у себя подлѣ Лозана прекрасный

загородный домъ, садъ и величайшую бібліотеку, просилъ его располагать онымъ всеѣмъ въ свое удовольствіе, и сей пользовался всегда, какъ и многими свѣдѣніями отъ него.

Возвратясь изъ чужихъ краевъ и увидясь съ Сковородою въ 1775 г., рассказалъ ему другъ его ту удивительную встрѣчу, по которой онъ нашелъ въ Лозанѣ похожаго человѣка на него чертами лица, свойствами, образомъ мыслей и дружбою къ нему. Сковорода возлюбилъ его заочно и съ того времени началъ подписывать на письмахъ и сочиненіяхъ своихъ имя свое тако: Григорій варъ (Евр. сынъ) Сава Сковорода, Даніилъ Мейнгартъ.

И добрая и худая слава распространилась о немъ во всей Украинѣ, Малороссіи и далѣе; многіе хулили его, нѣкоторые хвалили, все хотѣли видѣть его, можетъ быть, за одну странность и необыкновенный образъ жизни его; немногіе же знали его таковымъ, каковъ онъ въ самой точности былъ внутренно.

По разнымъ обстоятельствамъ живалъ онъ у многихъ. Иногда мѣстоположеніе по вкусу его, иногда же люди по его Минервѣ привлекали его проживать нѣкоторое время, непремѣннаго же жилища не имѣлъ онъ нигдѣ, почитая себя пришельцемъ на землѣ во всемъ разумѣ слова сего.

Полюба Тевяшова, Воронежскаго помѣщика, жилъ у него въ деревнѣ и написалъ тутъ сочиненіе: „Икона Алквивіадская“, которое и приписалъ ему въ память признательности своей къ дому сему. Потомъ имѣлъ пребываніе въ Бурлукахъ у Захаржевскаго ради пріятныхъ положеній природы; жительствовавъ у Щербинина въ Бабаяхъ, въ Иконовкѣ у Ковалевскаго, у друга своего въ Хотѣтовѣ, въ монастыряхъ Старо-Хотьковскомъ, Харьковскомъ Училищномъ, Ахтырскомъ, Сумскомъ, Святогорскомъ, Сѣвнянскомъ и пр. по нѣскольку времени. Иногда жилъ у кого либо изъ нихъ и у другихъ, совершенно не любя ихъ пороковъ, но для того только, дабы чрезъ продолженіе времени обращаясь съ ними, бесѣдуя, разсуждая, нечувствительно привлечь ихъ къ познанію себя, въ любовь къ истинѣ, въ отвращеніе отъ зла и примѣромъ жизни заставить любить добродѣтель. Впрочемъ во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ жилъ онъ, избиралъ всегда уединенный уголь, жилъ просто, одинъ, безъ услуги.

Харьковъ любилъ онъ и часто посѣщалъ его. Новый тамошній начальникъ, услыша о немъ, желалъ видѣть его. Сковорода пришелъ къ нему по приглашенію его. Губернаторъ, увидя его въ первый разъ и посмотря на него пристально, спросилъ его: г. Сковорода, о чемъ

учить Библія? О человѣческомъ сердцѣ, отвѣтствовалъ онъ; поваренныя ваши книги учать какъ удовольствовать желудокъ, псовыя—какъ звѣрей давить, модныя—какъ наряжаться; Библія учить, какъ облагородствовать человѣческое сердце.

Нѣкто изъ ученыхъ спросилъ его тутъ же: чтѣ есть философія? Главная цѣль жизни человѣческой, отвѣчалъ Скворода. Глава дѣлъ человѣческихъ есть духъ его, мысли, сердце. Всякъ имѣетъ цѣль въ жизни, но не всякъ главную цѣль, т. е. не всякъ занимается главою жизни; иной занимается чревомъ жизни, т. е. всѣ дѣла свои направляетъ, чтобъ дать жизнь чреву; иной очамъ, иной волосамъ, иной ногамъ и другимъ членамъ тѣла, иной же одеждамъ и прочимъ бездушнымъ вещамъ; философія или любомудріе устремляетъ весь кругъ дѣлъ свой на тотъ конецъ, чтобъ дать жизнь духу нашему, благородство сердцу, свѣтлость мыслямъ, яко главѣ всего. Когда духъ въ человѣкѣ веселъ, мысли спокойны, сердце мирно, то все свѣтло, счастливо, блаженно. Сіе есть философія.

Изъ Харькова паки отправился онъ въ Гусинку, любимое свое пустынножителство.

Любомудріе, поселясь въ сердцѣ Сквороды, доставляло ему благосостояніе возможное земнородному. Свободенъ отъ узъ всякаго принужденія, суетности, искательствъ, попеченія, находилъ онъ всѣ свои желанія исполненными въ ничтожествѣ оныхъ; занимаясь о сокращеніи нуждъ естественныхъ, а не о распространеніи, вкушалъ онъ удовольствія несравненныя ни съ какими счастливыми.

Когда солнце, возжегши безчисленныя свѣщи на смарагдотканой плащаницѣ, предлагало щедрою рукою чувствамъ его трапезу, тогда онъ принималъ чашу забавъ нерастраченныхъ никакими печальми житейскими, никакими воздыханіями страстными, никакими разсѣяностями суетными и, вкушая радованіе высокимъ умомъ въ полномъ упоеніи благодушества, говаривалъ: благодареніе всеблаженному Богу, что нужное сдѣлалъ нетруднымъ, а трудное ненужнымъ.

Когда усталость въ размышленіяхъ заставляла его перемѣнить упражненія свои, тогда онъ приходилъ къ престарѣлому пчелинцу, недалеко жительствовавшему въ пчельникѣ, бралъ съ собою въ сотоварищество любимаго пса своего, и трое. составляя общество, раздѣляли между собою вечера.

Ночь была ему мѣстомъ успокоенія отъ напряженій мысленныхъ, нечувствительно изнуряющихъ силы тѣлесныя, а легкой и тихій сонъ для воображенія его былъ зрѣлищемъ позорищъ, гармонією природы представляемыхъ.

Полуночное время имѣлъ онъ обычай всегда посвящать на молитву, которая въ тишинѣ глубокаго молчанія чувствъ и природы сопровождалась богомысліемъ. Тогда онъ, собравъ всѣ чувства и помысленія въ одинъ кругъ внутри себя и обозрѣвъ окомъ суда мрачное жилище своего перстнаго человѣка, такъ воззывалъ оныя къ началу Божію: „Возстаните лѣнливіе и всегда низу поникшіе ума моего помыслы, возьмитесь и возвыситесь на гору вѣчности“. Тутъ мгновенно брань открывалась, и сердце его дѣлалось полемъ рати: самолюбіе вооружалось съ міродержателемъ вѣка, свѣтскимъ разумомъ, свойственными брѣяности человѣческой слабостями и всѣми тварьми нападало сильнѣйше на волю его, дабы плѣнить его, возсѣсть на престолъ свободы ея и быть подобнымъ Вышнему. Богомысліе вопреки приглашало волю его къ вѣчному, единому, истинному благу его, вездѣущему, всеисполняющему и заставляло его облещись во вся оружія Божія, дабы возмощи ему стати противу козней лжемудрія. Какое бореніе, колико подвиговъ! Возшумѣша и смятошася; надлежало бодрствовать, стоять, мужаться. Небо и адъ борятся въ сердцѣ мудраго, и можетъ ли онъ быть празденъ, безъ дѣла, безъ подвига, безъ пользы человѣчеству? Тако за полуночные часы провождалъ онъ въ бранномъ ополченіи противу силъ мрачнаго міра.

Воссіяющее утро облекало его въ свѣтъ побѣды, и въ торжествѣ духа выходилъ онъ въ поле раздѣлять славословіе свое со всею природою.

Сей былъ образъ жизни его. „Ни орю бо, ни сѣю, ни куплю дѣю, ни воинствую, такъ писалъ онъ къ другу своему изъ пустыни, отвергаю же всякую житейскую печаль. Чтò убо дѣю? Се, что, всегда благословяще Господа, поемъ воскресеніе Его; учусь, другъ мой, благодарности: се мое дѣло. Учусь быть довольнымъ о всемъ томъ, чтò отъ Промысла Божія въ жизни мнѣ дано. Неблагодарная воля есть ключъ адскихъ мученій, благодарное сердце есть рай сладостей. Ахъ, другъ мой, поучайся въ благодарности, сидя въ дому, идиа путьемъ, засыпая и просыпаясь, приеми и обращай все во благо, доволенъ сущимъ, о всемъ приключаемомъ тебѣ, не воздавай безумія Богу и всегда радуешься, о всемъ благодаряще молись“.

Можно было жизнь Сквороды назвать жизнію. Но не таково было тогда состояніе друга его.

Обращеніе въ великомъ свѣтѣ, удаля его мало по малу отъ его самого, заведя въ лестныя внѣшности, усыпя въ немъ довѣріе ко внутреннему гласу духа, простудя жаръ истиннаго любомудрія, возжгло

въ немъ разумъ внѣшній и возбудило свойства свойственныя сему кругу бытія.

Свѣтъ благопріятствовалъ его своими дарами, наложя на него усыпленіе; далъ ему жену, друзей, пріятелей, благодѣтелей, преданныхъ, знакомыхъ, свойственниковъ, житейскія связи и выгоды; но дары сіи напоены были сокомъ корня ихъ. Онъ увидѣлъ въ счастіи превращеніе, въ друзьяхъ измѣну, въ надеждахъ обманъ, въ утѣхахъ пустоту, въ союзахъ самовидность, въ ближнихъ остуду, въ своихъ—лицепріятіе. Таковы были послѣдствія свѣтскаго круга, въ который попалъ онъ, оставя самъ себя.

Удрученъ, изможденъ, истощенъ волненіями свѣта, обратился онъ къ себѣ самого, собралъ разсѣянные по свѣту мысли въ малый кругъ желаній и, заключа оныя въ природное свое добродушіе, прибылъ изъ столицы въ деревню, надѣясь тамо найти брегъ и пристань житейскую своему обуреванію.

Свѣтъ и тамо искажилъ все. Въ глубокомъ уединеніи остался онъ одинъ безъ семейства, безъ друзей, безъ знакомыхъ, въ болѣзни, въ печали, въ безпокойствахъ, безъ всякаго участія, совѣта, помощи, соболѣзнованія. Тогда онъ, возведъ очи свои на позорище свѣта, на кругъ обстоятельствъ своихъ, на заблужденія свои, которыхъ онъ сдѣлался жертвою и, видя, что не на камени основанъ былъ храмъ житейскаго счастія его, въ сердечномъ чувствованіи сожалѣнія, ободрясь добродушіемъ своимъ, воспѣлъ оную, преисполненную истины, пѣснь: „О Иерихонъ проклятый, какъ ты меня обманулъ“ и пр.

Промыслъ Божій воззрѣлъ на него въ развалинахъ бытія его, воздвигнулъ духъ мудраго, сердце друга, и Сковорода семидесяти-трехлѣтній, по девятнадцати-лѣтнемъ несвиданіи, одержимъ болѣзнями старости, не смотря на дальность пути, на чрезвычайную ненастную погоду и на всегдашнее отвращеніе къ краю сему, пріѣхалъ въ деревню къ другу своему, село Хотѣтово, въ двадцати-пяти верстахъ отъ Орла, одинъ раздѣлитъ съ нимъ ничтожество его.

Бодрость духа, веселость нрава, мудрая бесѣда, свободное сердце отъ всякаго рабства свѣту, суетности, пристрастіямъ, торжество благодушія, утвержденное на семидесятилѣтнихъ столбахъ жизни и увѣнчаваемое при исходищахъ вѣка спокойствіемъ вѣчности, возбудили въ другъ его усыпленные силы разума, воспарили чувства его, устроили волю къ волѣ Вседержителя.

Сковорода привезъ къ нему сочиненія свои, изъ которыхъ многія приписалъ ему, читывалъ оныя самъ съ нимъ ежедневно и между

чтеніемъ занималъ его разсужденіями, правилами, понятіями, каковыхъ ожидать должно отъ человѣка, искавшаго истины во всю жизнь не умствованіемъ, но дѣломъ и возлюбившаго добродѣтель ради собственной красоты ея.

Рѣчь доходила тутъ до разныхъ толковъ или сектъ. Всякая секта, говорилъ онъ, пахнетъ собственностью, а гдѣ собственность, тутъ нѣтъ главной цѣли или главной мудрости. Я не знаю Мартинистовъ, продолжалъ онъ, ни разума, ни ученія ихъ; ежели они особничаютъ въ правилахъ и обрядахъ, чтобы казаться мудрыми, то я не хочу знать ихъ; ежели же они мудрствуютъ въ простотѣ сердца, чтобы быть полезными гражданами обществу, то я почитаю ихъ; но ради сего не для чего бы имъ особничать. Любовь къ ближнему не имѣетъ никакой секты: на ней весь законъ и пророки вѣсятъ; законъ природы, яко самонужнѣйшій для блага человѣческаго, есть всеобщій и запечатлѣнъ на сердцѣ каждаго, данъ всякому существу, даже послѣдней песчинкѣ; благодареніе всеблаженному Богу, что трудное сдѣлалъ ненужнымъ, а нужное нетруднымъ.

Исканіе философскаго камня или превращеніе всѣхъ вещей въ золото и содѣланіе состава изъ оногo, дабы продлить человѣческую жизнь до нѣсколькихъ тысячъ лѣтъ, есть остатокъ Египетскаго плотолюбія, которое, не могли продлить жизни человѣческой при всѣхъ мудрованіяхъ своихъ, нашло способъ продолжать существованіе труповъ человѣческихъ, извѣстныхъ у насъ подъ названіемъ мумій. Сія секта, говорилъ онъ, мѣряя жизнь аршиномъ лѣтъ, а не дѣлъ, не сообразна тѣмъ правиламъ мудрого, о которомъ пишется: поживе въ малѣ, исполни лѣта долгѣ. Сверхъ того она ласкательствуетъ соблазнительно суетности человѣческой, плотоугодію, гордости, зависти, любостыжанію; даетъ въ мысляхъ перевѣсъ тлѣнности, въ сердцѣ поводъ къ саддукейству.

Другъ его доводилъ бесѣду до исторіи Св. Писанія. „Многіе, сказалъ Сковорода, не разумѣютъ меня или, не хотя разумѣть, клеветуютъ, якобы я отвергаю исторію Вѣтхаго и Новаго Завѣта, потому что признаю и исповѣдую въ оной духовный разумъ, чувствую богописанный законъ и усматриваю Сущаго сквозь буквальный смыслъ. Я пополняю симъ исторію, а не разоряю; ибо какъ тѣло безъ духа мертво, такъ и Св. Писаніе безъ вѣры; вѣра же есть невидимыхъ извѣщеніе. Когда я хвалю доблесть воина, неустрашимость, мужество, храбрость его, то симъ не уничтожаю нарядовъ его, ни оружія его. Нарядъ, убранство, оружіе воина есть Исторія, а разумъ и слава сей Исторіи есть духъ вѣдина, дѣло его. Когда я, смотря на прекрасный храмъ, превозношу

похвалами симетрію, пропорцію, великолѣпіе, то, относя сіе къ искусству здателя, къ красотѣ цѣлаго, отвергаю ли, исключая ли кирпичъ, известь, желѣзо, песокъ, воду, каменщиковъ, ваятелей и пр., какъ будто бы ничего того не бывало? Я удивляюся разуму храма, но тѣмъ не отмещу наружности его“.

„Читаю Св. Писаніе съ намѣреніемъ научиться въ немъ богопочитанію, богобоязливости, любви ближняго, повиновенію начальству, покорности ко властямъ предержавшимъ, усовершенію сердца во всѣхъ отношеніяхъ его. Когда я найду, напримѣръ, исторію, что Ааронъ, первосвященникъ, золотого тельца Жидовскаго, сдѣланнаго ими въ небытность его и поклоняемаго отъ нихъ, бросилъ въ огонь и растопилъ, то я не останавливаюсь тутъ на химической работѣ, помня всегда, что Библія не есть наука химіи, но книга священная, поучающая святости нравовъ человѣка, способнаго внимать ученію ея. Я обучаюсь отъ сея исторіи, что сердце человѣческое не можетъ быть безъ упражненія и что, когда удаляется отъ онаго мысль священная, понятія истинныя, духъ разума, то оное мгновенно повергается въ занятія подлыя, неприличныя высокому роду его и чтить, величаетъ, боготворить презрѣнное, ничтожное, суетное. Сей разумъ исторіи назидаетъ меня много больше и споспѣшествуетъ внутреннему моему усовершенствованію, нежели какъ если бы я, узнавши, какъ золото передѣлывать мгновенно изъ всего и все претворять въ оное, занялся хотѣніемъ или упражненіемъ богатиться или химичествовать“.

„Я вѣрю и знаю, что все то, что существуетъ въ великомъ мірѣ, существуетъ и въ маломъ и что возможно въ маломъ мірѣ, то возможно и въ великомъ по соответствію оныхъ и по единству всеисполненія исполняющаго духа; но для чего же добиваться знать, какъ и когда Моисей раздѣлилъ море жезломъ въ великомъ семъ мірѣ? Въ Исторіи же поучаюсь, какъ бы мнѣ, въ маломъ моемъ мірѣ, въ сердцѣ, раздѣлить смѣсь склонностей природы непорочныя и растлѣнныя и провести волю мою непотопленно по пути житейскаго бытія, дабы доставить себѣ въ свое время свободу мыслей, т. е. веселіе духа или такъ называемое счастье въ жизни“.

„Не туда ли воззываютъ насъ оныя слова, часто провозглашаемыя въ храмахъ нашихъ: Премудрость, прѣдсти? Что бо есть простое, аще не духъ? Что сложное, что смѣсь, составъ, сотканіе, аще не плоть, исторія, обрядъ, наружность? Сими словами высокими побуждаемся къ возвышенію мыслей нашихъ выше видимаго образа служенія, выше буквальнаго смысла, выше историческаго богопочитанія. Распространи разумніе словъ сихъ по всему кругу вселенной, по всему лицу бытія

твоего и увидишь невидимую силу Божию, духъ Господень, воскресеніе. Чтѣ бо есть воскресеніе, аще не простота, очищенная отъ тлѣннаго состава, отъ множественности, отъ раздѣлимости?“

„Но сіи историческіе Христіане, обрядные мудрецы, буквальные богословы, человѣки духа не имуще, хулятъ то, чего не разумѣютъ“.

Иногда разговоръ его съ другомъ касался смерти. „Страхъ смерти, говорилъ онъ, нападаетъ на человѣка всего сильнѣе въ старости его. Потребно благовременно заготовить себя вооруженіемъ противъ врага сего не умствованіями (онѣ всегда недѣйствительны), но мирнымъ расположеніемъ воли своей къ волѣ Творца. Такой душевный миръ приуготовляется издали, тихо, въ тайнѣ сердца растетъ и усиливается чувствіемъ сдѣланнаго добра по способностямъ и отношеніямъ бытія нашего въ кругу, занимаемомъ нами. Сіе чувствіе есть вѣнецъ жизни и дверь безсмертія. Впрочемъ переходитъ образъ міра сего и яко соніе возстающаго уничтожается“.

„Знаю, что многихъ умы ищутъ равновѣсія въ награжденіяхъ и наказаніяхъ, полагая на свои вѣсы, мѣру и числа, дѣла человѣческія и судъ Божій. Другъ мой, величайшее наказаніе за зло есть—сдѣлать зло, какъ и величайшее воздаяніе за добро есть дѣлать добро. Любовь добродѣтели подобно свѣту огня; зажги огонь, тотчасъ свѣтъ осіяетъ глаза твои; возлюби, восчувствуй охоту къ добродѣтели, тотчасъ сердце твое освѣтится веселіемъ. Исполни, произведи въ дѣло добродѣтель, любовь: то корень сердца твоего напоится тукомъ блаженства, и какихъ благословенныхъ плодовъ можешь ожидать отъ сего? Любовь къ порокамъ подобна потушенному огню; погаси огонь, тотчасъ тьма покрыла очи твои. не знаешь, куда идешь, нѣтъ тебѣ различія вещей, міръ не существуетъ для тебя лучшею и величайшею частію: се наказаніе уже постигло тебя съ самимъ дѣйствомъ. Да не соблазняютъ тебя казистыя удовольствія развратныхъ. Загляни внутрь ихъ; тутъ огонь мученій не угасаетъ и червь угрызеній не усыпаетъ. Если Богъ вездѣ, то можетъ ли беззаконникъ быть безъ Него? Нѣтъ, ахъ, нѣтъ! Богъ есть въ немъ судія его, мститель, терніе его, огонь и жупель, духъ бурень. Духъ и вѣчность есть тоже; по сему разумѣй животь вѣчный и муку вѣчную“.

Услыша въ окрестности мѣста о прибытіи Сковороды къ другу своему многіе желали видѣть его, и для того нѣкоторые пріѣхали туда. Изъ начальства правленія Орловскаго *) молодой человѣкъ, подошедъ къ нему, привѣтственно сказалъ: г. Сковорода прошу любить меня. Могу ли любить васъ? отвѣчалъ Сковорода, я еще не знаю. Другой изъ числа таковыхъ же, желая свести съ нимъ знакомство,

*) Губернскій прокуроръ.

говорилъ ему: я давно знаю васъ по сочиненіямъ вашимъ, прошу доставить мнѣ и личное знакомство ваше. Скворода спросилъ его: „Какъ зовуть васъ?“—Я называюсь такъ, именемъ и прозваніемъ*) N. N., отвѣчалъ сей. Скворода, остановясь и подумавъ, сказалъ ему: „Имя ваше не скоро ложится на моемъ сердцѣ“.

Простота жизни, высокость познаній, долготѣнній подвигъ Сквороды въ любомудріи опытномъ, раздиралъ ризу лицемѣрія высокоумрствующихъ и обнажалъ пустоту ихъ. Они, покрывая зависть свою и наготу сердца листвіемъ сожалѣнія, говорили другимъ: жаль, что Скворода ходитъ около истины и не находитъ ея, въ то время, когда сей увѣнчаемъ уже былъ знаменами истины, а они обвѣшаны знаменіями соблазновъ, гордо и безстыдно являлись въ личинѣ своей.

Старость, осеннее время, непрерывная мокрая погода умножили разстройку въ здоровьѣ его, усилили кашель и расслабленіе. Онъ, проживя у друга своего около трехъ недѣль, просилъ отпустить его въ любимую Украину, гдѣ онъ жилъ до того и желалъ умереть, чтò и сбылось. Другъ его упрасивалъ остаться у него, зиму провести и вѣкъ свой окончить со временемъ у него въ домѣ. Онъ сказалъ, что духъ его велитъ ему ѣхать, и другъ отправилъ его немедленно. Напутствуя его всѣмъ потребнымъ, давъ ему полную волю по нраву его выбирать, какъ хочетъ онъ, куда, съ кѣмъ, въ чемъ ѣхать ему, предоставилъ ему для дороги въ случаѣ необходимости нужный запасъ, говоря: возьмите сіе; можетъ быть, въ пути болѣзнь усилится и заставитъ гдѣ остановиться, то нужно будетъ заплатить. „Ахъ, другъ мой, сказалъ онъ, неужели я еще не приобрѣлъ довѣрія къ Богу, что Промыслъ Его вѣрно печется о насъ и даетъ все потребное во благовременности“. Другъ его замолчалъ съ приношеніемъ своимъ. 1794 года Августа 26 числа отправился онъ въ путь изъ Хотѣтова села въ Украину. При разставаніи, обнимая друга, сказалъ: „Можетъ быть больше я не увижу тебя; прости, помни всегда во всѣхъ приключеніяхъ твоихъ въ жизни то, чтò мы часто говорили: свѣтъ и тьма, глава и хвостъ, добро и зло, вѣчность и время. Духъ мой призналъ тебя способнѣйшимъ принять истину и любить оную“. Приѣхавъ въ Курскъ, присталъ онъ къ тамошему архимандриту Амвросію, мужу благочестивому. Проживъ нѣсколько тутъ ради непрерывныхъ дождей и улуча ведро, отправился онъ далѣе, но не туда, куда намѣревался. Въ концѣ пути своего почувствовалъ онъ побужденіе ѣхать въ тоже мѣсто, откуда поѣхалъ къ другу, хотя совершенно не расположенъ былъ. Слобода Ивановка, помѣщика Ковалевскаго, было то мѣсто пребыванія, гдѣ нѣ-

*) Директоръ Экономіи.

сколько времени жилъ онъ прежде и куда прибылъ окончать теченіе свое. Болѣзни старостию, погодою, усталостию отъ пути приближили его къ концу его. Проживя тутъ больше мѣсяца, всегда почти на ногахъ еще, часто говаривалъ съ благодушіемъ: Духъ бодръ, но тѣло немощно. Помѣщикъ, видя изнеможеніе его крайнее, предложилъ ему нѣкоторые обряды для приуготовленія къ смерти. Онъ, какъ Павелъ Апостоль, почитая обряды обрѣзанія ненужными для истинно вѣрующихъ, отвѣтствовалъ какъ Павелъ Іудеямъ обрядствующимъ, но представя себѣ совѣсть слабыхъ, немощь вѣрующихъ и любовь Христіанскую, исполнилъ все по уставу обрядному и скончался Октября 29 ч. 1794 г. Передъ кончиною завѣщалъ предать его погребенію на возвышенномъ мѣстѣ близъ рощи и гумна и слѣдующую, сдѣланную имъ себѣ, надпись написать: „Миръ ловилъ меня, но не поймалъ“. Имѣются многія сочиненія его, изъ которыхъ лучшія доставилъ онъ писанныя всѣ рукою своею другу своему и о всѣхъ приложилъ списокъ своею рукою при письмѣ къ другу слѣдующаго содержания.

Число твореній моихъ.

1. Наркисъ, узнай себя.
2. Симфонія, рѣкъ сохранию пути моя.
3. Симфонія, аще не увѣси.
4. Неграмотный Марко.
5. Алфавитъ міра о природѣ.
6. Разговоръ, Кольцо.
7. Древній міръ.
8. Жена Лотова.
9. Брань Архангела Михаила съ сатаною.
10. Икона Алкивіадская.
11. Бесѣда 1-я. Сіонъ.
12. Бесѣда 2-я. Сіонъ.
13. Бесѣда 3-я. Двое.
14. Діалогъ: душа и нетлѣнный духъ.
15. Благородный Еродій.
16. О Христіанскомъ добронравіи катехизисъ.
17. Асханъ, о познаніи себя.

Переводы.

1. О старости Цицерона. 2. О Божіи правосудіи. 3. О смерти. 4. О храненіи отъ долговъ. 5. О спокойствіи душевномъ. 6. О возжеланіи богатствъ. 7. О уединеніи,	}	Сочиненія Плутарховы. Сидронія.

Кромв сочиненій и переводовъ сихъ, многіе на Россійскомъ, Латинскомъ, Эллинскомъ языкв находятся письма его, весьма поучительныя, писанныя къ другу и прочимъ, многія стихословія и другія сочиненія, которыхъ собраніе частію хранится у друга его.

Какъ онъ писалъ для своей стороны, то и употреблялъ иногда Малороссійскія нарвчія и правописаніе, употребляемое въ произношеніи Малороссійскомъ. Онъ любилъ всегда природный языкъ свой и рвдко принуждалъ себя извясняться на иностранномъ. Эллинскій предпочиталъ всвмъ иностраннымъ.

Другъ его написалъ сіе въ память добродвтелей его, въ благодарность сердцу его, въ честь отечества и славу Бога 1795 года 9 Февраля въ селв Хотвтовв.

Надгробная надпись:

Григорію Савичу Сковородв въ Бозв скончавшемуся 1794 года Октября 29-го дня.

Ревнитель истины, духовный богочтецъ,
И словомъ, и умомъ, и жизнію мудрецъ,
Любитель простоты и отъ суеты свободы,
Безъ лести другъ прямой, доволенъ всвмъ всегда,
Достигъ на верхъ наукъ, познавши духъ природы,
Достойный для сердець примвръ Сковорода.

Сей другъ его М. К.

Нвсколько дополнительныхъ сввдвній о Сковородв читатель можетъ найти въ „Русскомъ Біографическомъ Словарв“, изданномъ подъ наблюденіемъ А. А. Половцова. (С.-Пб. 1904). Есть изввстіе, что Сковорода исходилъ пвшкомъ Польшу, Германію и Италію. Харьковской профессоръ Д. И. Багалвй собралъ и издалъ въ 1904 году сочиненія Сковороды, въ числв которыхъ находимъ нвсколько не упомянутыхъ въ выше помвщенномъ ихъ спискв. Нашему поколвнію, намъ Москвичамъ, живо напоминаетъ Сковороду образомъ жизни, ученостію и добродвтелями Николай Федоровичъ Федоровъ, статьями о которомъ В. А. Кожевникова заняты многія страницы „Русскаго Архива“. Вопреки уваженію къ святой его памяти и къ негодованію читателей нашихъ статьи эти до сихъ поръ не закончены. Наши личныя воспоминанія о немъ появятся особо. П. Б.

